

Эрик Смаджа

ПАРЫ

Мультидисциплинарный подход

Эрик Смаджа

**Пары. Мультидисциплинарный
подход**

«Когито-Центр»

2011

УДК 159.9
ББК 88

Смаджа Э.

Пары. Мультидисциплинарный подход / Э. Смаджа — «Когито-Центр», 2011

ISBN 978-2-13-057832-1

Феномен человеческой пары рассматривается в историческом аспекте и в контексте разных наук – антропологии, социологии и психоанализа. Читатель получит возможность соприкоснуться с психической реальностью этого специфического «материала», проследить естественную историю пары, включающую важнейшие моменты ее эволюции, трансформации и старения, окунется в атмосферу психологической консультации страдающих пар. Вводится новое понятие, особый междисциплинарный объект на стыке психоанализа, социологии и культурологии – «работа пары». С его помощью делается попытка описать всю сложность бытия человеческой пары, способы и уровни ее организации, ее функции и дисфункции. Издание второе, дополненное В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-2-13-057832-1

© Смаджа Э., 2011
© Когито-Центр, 2011

Содержание

Введение	7
Глава 1. Пара в историческом и социокультурном аспекте	10
Лингвистический анализ понятий «брак» и «пара»	10
Брак	10
Пара	11
Общие антропологические данные	12
Брак, супружеская пара и целибат в традиционном обществе	12
История брака и супружеской пары на Западе	13
Наследие римлян и германцев	13
Христианское понимание брака	13
Средние века – феодальное общество	13
Эпоха Возрождения	14
Классическое общество	14
Эпоха просвещения	14
Глава 2. Появление специфического психоаналитического объекта	16
Начиная с работ Фрейда	16
Несколько слов о фрейдовской концепции объекта и объектных отношений	16
«Три очерка по теории сексуальности» (1905)	16
Работы по психологии любовной жизни (1910, 1912, 1918)	17
«К введению в нарциссизм» (1914)	17
«Влечения и их судьба» (1915)	18
«Заметки о любви в переносе» (1915)	18
«Печаль и меланхолия» (1917)	18
«Психология масс и анализ человеческого Я» (1921)	18
«О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920)	19
«О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности» (1922)	19
«Я и Оно» (1923)	19
«Фетишизм» (1927)	20
Работы о женской сексуальности	20
«Неудовлетворенность культурой» (1930)	20
Понятие объектных отношений у других авторов	20
Шандор Ференци	21
Майкл Балинт	21
Уильям Рональд Фэйрберн	21
Мелани Кляйн	22
Концепция объекта и объектных отношений	22
«Любовь и ненависть»[19] (1937) и «Зависть и благодарность»[20] (1957)	22
Посткляйнианцы: Винникотт и Бион	24
Дональд Вудз Винникотт	24
Уилфред Рупрехт Бион	25
Групповой психоанализ	26

Взаимоотношения «мать/грудной ребенок» и «пациент/аналитик»	27
Генри Дикс и Юрг Вилли	28
Генри Дикс: «Виды супружеской напряженности»[32]	28
Юрг Вилли: «Отношения пар»	28
Жан-Жорж Лемэр	30
Основные работы и трактовка пары	30
Групповой психоанализ	31
Аргентина	31
Великобритания	31
Франция	31
Жан-Бертран Понталис: «Малая группа как объект»[34]	31
Дидье Анзё: модель сновидения, «Группа и бессознательное»[35]	32
Рене Каэс (Caes, 2007, 2009)	32
Несколько современных французских концепций	35
Жан-Пьер Кэйо и Жерар Дешерф: «Психоанализ пары и семьи»[39]	35
Альбер Игер: «Психоаналитическая терапия пар» (Eiguer, 1984), «Клинический психоанализ пары» (Eiguer, 1998)	35
Андрэ Рюфьо[40]	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эрик Смаджа

Пары. Мультидисциплинарный подход

© Presses Universitaires de France, 2011

© Когито-Центр, 2017

Введение

В этой книге мы ставим два вопроса: что такое человеческая пара? о чем нам может поведать ее история?

Многие писатели, поэты, философы, эссеисты, ученые и самые разные специалисты изучали это сложное, разнородное явление – разнополюю человеческую пару (хотя есть наблюдения, касающиеся и однополых пар). Подобные исследования, как правило, фокусируются только на одном или двух – трех аспектах: любви со всеми ее особенностями и превратностями; особенностях мужчины и женщины, их психическом состоянии и переживаниях; сексуальной жизни, нормах и отклонениях; институте брака, его правилах, исторических формах и культурных особенностях; единстве биологического и социального; родительских обязанностях по возвращению и воспитанию ребенка; экономическом и социальном сотрудничестве, основанном на наличии общих целей и разделении ролей по гендерному принципу; истории и современных признаках супружеских пар как элементов общества; юридических аспектах, связанных с правами и обязанностями членов союзов – брачных и внебрачных, разнополых и однополых.

Все это многообразие исследований, безусловно, обогащает наше представление о том, что такое человеческая пара, однако содержащиеся в этих работах сведения узкоспециальны, в то время как требуется целостный, комплексный взгляд. Сегодня мы все чаще без явных на то причин говорим о «кризисе супружеской пары» точно так же, как о «кризисе западного общества» в целом (заметим, что эти два «кризиса» напрямую связаны друг с другом). В действительности, однако, наши нынешние знания при всем их объеме и многообразии оказываются дробными и неполными. Между тем мы рассматриваем пару как живое человеческое бытие, которое, как и всякое человеческое бытие, сложно и многогранно – оно находится на пересечении нескольких плоскостей, на перепутье разных историй.

Необходимо уточнить, что говорить мы будем в основном о гетеросексуальных парах, хотя некоторые социологические данные о современных гомосексуальных парах также будут приведены. Мы затронем телесно-сексуальные, психические и социокультурные аспекты, преломляющиеся во времени, – в них мы попытаемся уловить таинство бытия супружеской пары во всей его целостности и полноте. Для этого нами были проанализированы разнообразные мульти- и междисциплинарные исследования, проведенные в рамках исторического, антропологического, социологического и психоаналитического подходов, которые, как мы надеемся, сделают нашу работу ценной с эвристической точки зрения. В рамках каждого направления мы рассмотрим взгляды разных авторов.

В этом смысле мы продолжаем придерживаться подхода, взятого нами на вооружении при работе над нашим первым исследованием, посвященным смеху¹ и доказавшим свою научно-методологическую состоятельность. Этот же подход был использован нами в предыдущей работе², в которой мы рассматривали эдипов комплекс с позиций психоанализа и антропологии, а также привлекали результаты большого числа других исследований, в том числе междисциплинарных. Таким образом, мы как бы сами ставим себя в воображаемый ряд родственников по духу ученых, в который мы бы включили Зигмунда Фрейда, Марселя Мосса, Гезу Рохейма, Ги Деврё и, если обратиться к более близкому к нам времени, Эдгара Морена. Напомним, что Мосс (Mauss, 1924) наделял все социальные факты качеством «целостности»³,

¹ Eric Smadja. *Le Rire*, Paris: Presses Universitaires de France, 1993, 1996, 2007, 2011.

² Eric Smadja. *Le complexe d'Édipe, cristallisateur du débat psychanalyse/anthropologie*, Paris, Presses Universitaires de France, 2009.

³ Marcel Mauss (1924). *Essai sur le don*. In: *Sociologie et anthropologie*, Paris: Presses Universitaires de France, 1950.

утверждая, что они состоят из большого числа компонентов, но при этом функционируют как единое целое. И только раскрытие их компонентов позволяет нам понимать эти факты с точки зрения истории, экономики, политики, идеологии, технологии, экологии или, например, с точки зрения родственных уз. Кроме того, Мосс выступал за изучение человека во всей его «целостности», одновременно в историческом, социокультурном, телесном и психическом измерениях. Также он настаивал на исключительно психологическом исследовании, не включающем психоаналитических методов, к которым относился крайне скептически (во многом потому, что просто не был с ними знаком). Мы полностью согласны с требованием изучения «целостного человека», включающего использование последних научных данных и методов. Масштабная эпистемологическая база создает условия для проведения мульти- и междисциплинарных исследований.

Однако пара, как мы уже отмечали, находится на пересечении множества контекстов – социокультурного, эпистемологического (создание объекта познания и психоаналитический подход к нему), «естественного» (цикл жизни супружеской пары, а также различные этапы ее развития) и, наконец, психотерапевтического (проблемные пары, обращающиеся за помощью к специалисту и находящиеся в анализе).

Таким образом, наша книга представляет собой своего рода повествовательный коллаж из специализированных дискурсов. Мы поставили перед собой задачу найти и определить области их пересечения, расхождения и взаимодополнения, а затем набросать целостную, структурированную, но при этом неоднородную картину.

История, социальная организация обществ, различные социальные связи, многочисленные символические системы, которые в этих обществах создаются, особенности их самосохранения, производства и воспроизводства очерчивают и выстраивают тот элемент человеческой реальности, который мы называем «парой». Именно поэтому в начале *первой главы* мы вводим подробный исторический и социокультурный очерк.

Затем, во *второй главе*, рассматриваем конкретные этапы происхождения и образования нового эпистемологического объекта, объекта познания и приложения психоаналитического метода, которым в нашем случае является пара в современном западном обществе, характеризующаяся преобладанием индивидуализма. Именно социальный индивидуализм позволил появиться новому типу пары, выходящему за рамки традиционного института брака. Мы рассмотрим исконный антагонизм индивида и общества, так точно описанный Э. Дюркгеймом, в контексте существования современной пары, затрагивая вопрос конфликта личных и брачных интересов.

В *третьей главе* будут представлены исключительно психоаналитические исследования основных психических элементов пары. Читатель получит представление о сложности психической реальности: сознании, предсознании и бессознательном – нашем специфическом «материале». Эта глава является преддверием нашего экскурса в естественную историю пары.

В *четвертой главе* пойдет речь о естественной истории пары, включающей важнейшие моменты эволюции, трансформацию и старение. Будут задействованы различные подходы (антропологический, социологический, психоаналитический), к которым также прибавится и взгляд сексолога, специализирующегося на вопросах сексуальной жизни и старения пары.

Именно в этой главе наш мульти- и междисциплинарный подход доказывает свою эффективность, так как помогает нам понять и уяснить точки зрения самых разных специалистов. Станет очевидна радикальная неоднородность точек зрения на такой сложный предмет, как бытие человека. Мы попытались найти точки соприкосновения и единый непротиворечивый взгляд.

В *пятой главе* вводится новое понятие, особый междисциплинарный объект (на стыке психоанализа, социологии и культурологии) – «работа пары». С его помощью мы делаем попытку описать всю сложность явления человеческой пары, способы и уровни ее организа-

ции, функции и дисфункции. С нашей точки зрения, гипотеза «работы» подчеркивает специальный оперативный аспект бытия пары.

Наконец, в *шестой главе* речь идет о проблемных парах, решившихся попросить о помощи, точнее, обратиться к специалисту, в частности, к психоаналитику. Анализируются важнейшие моменты – от обстоятельств первой консультации до целей и потенциальной пользы психотерапевтической работы, а также приводится пример работы с одной из множества пар, которых нам довелось консультировать и анализировать.

Глава 1. Пара в историческом и социокультурном аспекте

Лингвистический анализ понятий «брак» и «пара»

Брак

В своей работе «Словарь индоевропейских социальных терминов», в главе «Обозначение „брака“ в индоевропейских языках» языковед Эмиль Бенвенист пишет: «Изучение словаря родственных отношений в индоевропейских языках показало, что положение мужчины и женщины, состоящих в браке, очень различалось; соответствующие термины родства также были совершенно различны. По этой причине, собственно говоря, понятие „брак“ не имеет специального индоевропейского обозначения»⁴. Действительно, все соответствующие слова имеют вторичное происхождение, будь то французское *mariage*, немецкое *Ehe* или русское *брак*. В древних языках термины также разнятся, и было бы небезынтересно рассмотреть их во всем многообразии. Отличаются термины, в первую очередь, в зависимости от того, идет ли речь о мужчине (и тогда обозначения чаще всего глагольные) или о женщине (преимущественно именные наименования).

Для того чтобы сказать, что «мужчина взял женщину в жены», в индоевропейских языках, согласно Бенвенисту, используются производные от корня *wedh* – «вести, приводить» в смысле «приводить жену к себе в дом». Таким, похоже, было древнее выражение, затем же в ходе развития производных языков оно сократилось до одного глагола, нарастившего значение «жениться». Именно так произошло, например, в индоарийском. В латинском же языке появляется новый глагол для передачи смысла «вести, приводить» – *ducere*, который также приобретает значение «жениться» в сочетании *uxorem ducere*.

Описание функций отца или, за неимением отца, брата будущей жены осуществляется с помощью глагола «давать» в смысле «отдавать девушку мужу». Этот торжественный акт в разных языках описывался глаголом с таким значением, имеющим варианты за счет приставок.

Бенвенист связывает такое единообразие в обозначении со схожестью традиционных ритуалов, восходящих к общим корням и некогда единой семейной культуре. В рамках этой древней пракультуры муж «приводил» юницу к себе в дом, в то время как отец ее «отдавал».

Какую же картину мы видим с точки зрения женщины? Оказывается, что соответствующих глаголов для обозначения факта вступления в брак женщины просто не существовало. Так, например, в латинском языке глагол *maritare* является активным и имеет значения «находить себе пару», «соединяться», «объединяться». Таким образом, получалось, что женщина вступает в брак не активно, а лишь пассивно оказывается в новом статусе. Она не совершает поступок, а как бы переходит из одного состояния в другое. Это подтверждается анализом тех слов и выражений, которые используются для обозначения вступления женщины в брак, среди них нет глаголов, есть только именные обозначения замужней женщины. Такие слова констатируют факт торжественного перехода молодой женщины в новый статус жены, при этом в разных языках выделяются разные аспекты этого статуса. С ведийского санскрита слово *janitvana* переводится как «замужество» и буквально означает получение девушкой законного

⁴ E. Benvéniste. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, Paris, Les Editions de Minuit, 1969. P. 239. – Рус. пер.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс. С. 164.

статуса супруги. В этом мы видим глубину индоевропейской общности: ведь неотъемлемая часть нашего «римского» наследия – особая важность законов и их соблюдения. Латинское слово *matrimonium* в этом смысле очень показательно. Буквально оно означает «получение законного статуса матери», что как бы наделяет девушку правом стать матерью семейства. Для нее брак заключается именно в этом – в особом предназначении, а не в некоем действии, поступке. Современное слово *matrimonio* в таких романских языках, как итальянский и испанский, охватывает более широкое значение – «брак», «бракосочетание». Во французском же языке производное от латинского *matrimonium* прилагательное *matrimonial* означает все, что связано с браком и супружеской жизнью. И, следуя поспешной логике, мы с уверенностью опознаем в нем производное от *mariage* (замечает Бенвенист). Однако *mariage*, как считают ученые, восходит к латинскому глаголу *maritare*, который никак не соотносится с *matrimonium*. Тот факт, что мы смешиваем эти два понятия по причине их внешней схожести, лишь показывает, насколько мы далеки от представлений древних. Таким образом, «именные формы, которые в конце концов приобрели значение „брак“ (*marriage*), вначале обозначали статус женщины, которой предстояло стать супругой. Это специфическое значение должно было стертись, чтобы в конце концов оформилось абстрактное понятие „брак“, которое стало прилагаться к законному союзу мужчины и женщины»⁵.

Пара

Посмотрим, какие значения слова «пара» можно найти в словаре французского языка Эмиля Литрэ:

1. Два однородных предмета, составляющие единое целое.
2. Муж и жена, возлюбленный и возлюбленная или два человека, объединенных узами дружбы, общих интересов и живущие вместе.
3. Совокупность двух сил, которые приложены к одному абсолютно твердому телу и при этом равны по модулю и противоположны по направлению.

Во всех этих определениях есть нечто общее: речь идет о двух объектах, которые связаны определенным образом и могут быть как одинаковыми, так и разнородными. Итак, толковый словарь указывает нам на неоднородность содержания понятия «пара».

⁵ *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, Paris, Les Editions de Minuit, 1969. P. 244 / Рус. пер.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс. С. 167.

Общие антропологические данные

Брак, супружеская пара и целибат в традиционном обществе

Франсуаза Эритье в своей работе «Мужское/женское» (Héritier, 1996) подчеркивает, что родство является матрицей социальных отношений и что всякое общество разделяется на группы на основании родства. Такое фундаментальное разделение она связывает с браком как первичным социальным институтом установления связей между разными родовыми группами. «Если члены группы не осознают, что своими внутренними силами и ресурсами, практикуя инцест, размножаться невозможно, то вскоре такая группа исчезает, постепенно теряя одного за другим всех своих членов»⁶. Именно поэтому базовый принцип экзогамии рано или поздно принимается любым обществом в качестве своеобразного закона обмена женщинами между группами – обмена жизнью, поскольку женщины рожают детей и поддерживают плодovitость как своего, так и чужого рода.

Эритье уточняет, что абсолютно в любом человеческом обществе, включая общество со слабыми и непостоянными социальными связями, мы обнаружим узаконенную форму особого союза, существующего ради воспроизведения потомства и обычно называемого браком. Она перечисляет множество крайне разнородных критериев. Так, например, дети, рожденные в таком узаконенном союзе, *ipso facto*⁷ становятся полноправными членами группы.

Брак – крайне важное с социальной точки зрения событие, в котором принимают участие взрослые люди. Отсюда и важность постоянства брачных правил, которые сводят к минимуму вероятность вмешательства каких-либо неблагоприятных факторов. «Наказанием за смешение несовместимых кровей без разрешения родителей и родственников считались бесплодие или ранняя смерть младенца»⁸.

В разных человеческих обществах брак всегда был также и средством экономического сотрудничества. В рамках такого сотрудничества мужчина и женщина применяли те знания и навыки, которые смогли приобрести в рамках своей культуры. Таким образом, разделение труда между мужем и женой всегда было важной частью их союза, необходимой для выживания и самих супругов, и всего общества.

Тем не менее в обществе наряду с законными могут быть признаны и другие типы союзов, включая сожителство.

В подавляющем большинстве человеческих сообществ целибат был признан антисоциальным явлением, поскольку считалось, что стать полноправным членом общества может только человек, вступивший в брак. В так называемых первобытных обществах целибата не существовало в принципе, не было и речи о свободе выбора, принятой в современном западном обществе. Кроме того, к мужскому и женскому целибату относились по-разному: мужчина просто осложнял себе жизнь, в то время как женщина оказывалась опасной и вредной для всего сообщества. Традиционно считаясь противоестественным и антисоциальным, почти кощунственным, целибат тем не менее был принят в некоторых обществах (например, по экономическим соображениям). Достаточно вспомнить монашек европейского феодального Средневековья.

⁶ F. Héritier. *Masculin/Féminin*, Paris, Odile Jacob, 1996, p. 232.

⁷ Тем самым, в силу самого факта (*лат.*).

⁸ F. Héritier. *Masculin/Féminin*, Paris, Odile Jacob, 1996, p. 122.

История брака и супружеской пары на Западе

Ниже приводится обзор понятия брака с древности до наших времен с опорой на работы ряда историков⁹.

Наследие римлян и германцев

И среди древних римлян, и среди германцев брак относился, в первую очередь, к области семейного права. Существовало два типа союзов: законный брак, одобренный семьей, и менее прочный союз, известный как конкубинат у римлян и *Friedelehe* («свободный брак») у германцев. Стоит отметить, что различные типы внебрачной связи существовали в древности и на Востоке. Церковь попыталась противопоставить им свою идею брака.

Христианское понимание брака

Каноническое понимание брака оформилось только к концу XII века. Брак начинает пониматься как таинство, для осуществления которого нужно только согласие будущих супругов. Фактически согласие родителей, а тем более других членов семьи перестало быть обязательным, так же как и присутствие свидетелей и прочих посредников. В свою очередь, в каноническом праве было много препятствий для тех, кто хотел вступить в брак. Христианское таинство брака становится нерасторжимым – только смерть способна разорвать брачные узы и дать возможность вступить в новый брак. В начале XVI века подобная концепция брака была раскритикована лидерами Реформации Мартином Лютером и Жаном Кальвином, чьи взгляды были осуждены на Тридентском соборе в 1547 году. Идеологи зарождающегося протестантизма считали брак божественным институтом, но не таинством. С их точки зрения, брак должен считаться договором, заключаемым между людьми с общими духовными и материальными интересами. В случае брака несовершеннолетних детей обязательное согласие родителей должно было выражать в символической форме полномочия Бога. Также протестанты признали развод, но только в случае доказанного факта измены или продолжительного отсутствия одного из супругов. Только в 1563 году продолжающий работу Тридентский собор взялся за вопрос брачного права. В этом же году был принят ряд документов, а именно двенадцать канонических постановлений, которые подтверждали статус брака как моногамного и нерасторжимого таинства, цель которого – создание потомства. За Церковью были закреплены исключительные полномочия в ведении брачных дел. Кроме того, было постановлено, что ни один брак не должен считаться действительным, если не будет совершен священником в присутствии двух свидетелей. Также был окончательно регламентирован целибат представителей Церкви.

Средние века – феодальное общество

Браки среди феодалов были делом всей семьи, точнее, главы семьи – сами будущие супруги принимали в этом лишь формальное участие. По большому счету средневековые дворяне были против того, чтобы в брак вступали влюбленные молодые люди. Любовь, названная «куртуазной», была вытеснена на периферию семейных интересов. Главной целью брака была успешная (то есть исключающая разделение) передача феодала. Однако знати приходилось подчиняться церковным законам, что приводило к росту напряжения между дворянами и духовенством. Единственной целью брака стало рождение наследника мужского пола. Старший

⁹ J. C. Bologne. *Histoire du mariage en Occident*, Paris, Hachette Littératures «Pluriel», 2005.

сын вовлекался в семейный процесс передачи феода от поколения к поколению, в то время как младшие дети чувствовали себя более свободными в вопросах выстраивания супружеских отношений.

Эпоха Возрождения

Этот период характеризуется атмосферой сексуальной раскрепощенности, а также переходом к пониманию брака как индивидуального предприятия. Супругов постепенно перестали подбирать, исходя только из семейных интересов, молодые люди начали получать возможность высказывать собственное мнение. Кроме того, парадоксальным образом в результате ослабления контроля местных общин и усиления влияния семьи и централизованных институтов, таких как церковь, жизнь пары стала более личной и самостоятельной.

Таким образом, «особый взгляд на брак, проповедуемый Церковью и некоторыми светскими социальными институтами, сама тенденция позволять молодым людям жениться по любви и уважать автономию пары были по-новому переосмыслены в [ренессансной] атмосфере чувственности и повсеместного эпикурейства. Точнее, они стали предтечей грядущих кардинальных изменений в соотношении понятий брака и сексуальности» (Burguière, 1986, p. 158), — пишет историк А. Бургь ер. Этот период можно считать первым этапом формирования современной модели брачной пары.

Проблема свободного сожительства связана, конечно, с христианизацией Европы, в рамках которой был возможен только один тип брака. Если быть точным, конкубинат и другие формы свободных отношений, не опосредованных представителями духовенства, были запрещены на Тридентском соборе.

Классическое общество

В этот период брак начинает считаться договором, разумным актом, обеспечивающим нормальное функционирование светского общества и регулирующим социальный статус. В этом статичном обществе в штыки воспринималось все, что могло расшевелить сложившиеся косные устои. Сама любовь, эта всепоглощающая страсть, считалась своего рода недугом, который должен быть исцелен силой разума. Как пишет историк Ж. Болонь, эти поиски равновесия вылились в появление брачных контрактов, в которых большую роль приобретает фигура нотариуса.

Кроме того, по всей Европе контроль над браком и семейными отношениями все больше начинают осуществлять государство и церковь. Во Франции с тех пор никто не мог избежать этого двойного контроля, гарантирующего общественный порядок.

Эпоха просвещения

В XVII и XVIII веках брак и любовь уже не противоречат друг другу, но так или иначе ставится под вопрос их естественность. По сути, любить своего мужа или свою жену не запрещается, но считается неприличным жениться/выходить замуж по любви. Любовь между супругами должна рождаться уже потом, после нескольких лет совместной жизни, и поэтому она никак не может быть изначальной причиной заключения брака. Тем не менее, как подчеркивает Бургьер (Burguière, 1986, p. 178–179), «было бы абсурдом утверждать, что до XVIII века никто не женился по любви или никто не любил друг друга, не состоя в браке». Мы уже упоминали подобные примеры, относящиеся к XVI веку. Такие отношения не были ни идеалом, ни необходимостью. «Поэтому и интересно проанализировать этот путь, по которому любовь, выкинутая религиозными и народными обычаями за рамки брака, все-таки стала *краеугольным*

камнем новой модели брака» (ibid., p. 179). По мнению этого автора, такая эволюция стала возможной из-за интериоризации нравственных норм и навязываемых церковью моделей, которые породили в каждом индивиде «острое осознание личной ответственности и уникальности», что, в свою очередь, вылилось в поиски «сентиментального слияния с другим таким же Эго». Тем не менее «периферические» или «народные» культуры продолжали использовать другие модели, например, модель классового общества, в котором действовали как традиционная религиозная идеология, так и идеология государства, гарантировавшая некую золотую середину между чаяниями индивида и императивами традиций. Социальные ограничения брака, признанные повсеместно, практически не противоречили тому, чего хотели люди. Однако это касалось только определенных слоев общества.

В своей работе Бургьер детально анализирует те изменения, которым подвергся процесс развития добрачных и брачных отношений в эту ключевую для Европы историческую эпоху. Сделав обзор многочисленных гипотез, выдвинутых историками и социологами, он останавливается на убедительных идеях социолога Норберта Элиаса, выдвинутых и развитых им в работе *Über den prozess der zivilisation* (1939)¹⁰.

Отталкиваясь от введенного Элиасом понятия «процесс цивилизации», Бургьер утверждает, что именно в длительный период вдалбливания в головы людей жесткой брачной морали и контроля со стороны семьи и укрепилась граница между пространствами личного и публичного. Таким образом, особое внутреннее пространство брачной пары обособилось, а сам брак перестал быть исключительно институтом воспроизведения рода. В это же время церковь пересматривает суть брачных отношений, наделяя брак исключительным правом на сексуальность, что, соответственно, приводит ко все большему числу случаев брака по любви. Бургьер также остроумно замечает, что, говоря о браке по любви как доминирующей брачной модели, обычно путают два аспекта: 1) идею о том, что молодые должны иметь возможность выбирать себе будущего супруга; 2) идею, что любовь является решающей причиной выбора.

¹⁰ В русском переводе «О процессе цивилизации». М. – СПб., 2001.

Глава 2. Появление специфического психоаналитического объекта

Начиная с работ Фрейда

Фрейд открыл и утвердил фундаментальные психические элементы любовной жизни, но он еще не задумывался о специальном психоанализе пар и не воспринимал пару как частный случай группы, как диаду с собственными функциями, структурой, динамикой и историей. На наш взгляд, в ряде работ Фрейда определены основные этапы любовной жизни. Представим здесь небольшой обзор этих работ и попытаемся кратко обрисовать любовную жизнь с точки зрения фрейдовской концепции объекта и объектных отношений.

Несколько слов о фрейдовской концепции объекта и объектных отношений

Многие авторы, в числе которых Бернар Брюссе¹¹, указывали на два разных аспекта понятия объекта в работах Фрейда. Причем эти аспекты противоречат друг другу: с одной стороны, мы говорим об объекте влечения (которое не может существовать без объекта); с другой стороны, объект как бы находится вне влечения, являясь частью внешнего мира, данного нам в восприятии. Во влечении он присутствует в качестве его побудительной причины. В рамках же теоретической модели развития внешний объект является центром притяжения, вектором движения либидо и предпосылкой перехода от догенитальной стадии к генитальной. Генитальные объектные отношения как вектор развития фактически были представлены у Фрейда с самого начала.

Смысл понятия «объектного отношения» в том виде, в котором оно впервые наметилось у Фрейда, заключается в некоем развитии процесса влечения – имплицитном сексуальном акте с объектом любви. Позже Фрейд стал учитывать нарциссические элементы и амбивалентность как неотъемлемые характеристики всех объектных отношений. Более того, в размышлениях Фрейда направление от влечения к объекту заменяется направлением от Я к объекту. Я становится местом сосредоточения интроецированных и потерянных объектов.

Брюссе делает вывод, что в теории Фрейда объектные отношения вращаются вокруг двух осей: сексуальности и самосохранения/нарциссизма/влечения к смерти. Причем сексуальность у Фрейда играет ключевую роль.

«Три очерка по теории сексуальности» (1905)

Некоторые особенности сексуального влечения, по мнению Фрейда, являются базовыми, а само влечение подчиняет себе сверхценный сексуальный объект. Он описывает инфантильную сексуальность, двухфазное развитие сексуальности, латентную стадию и изменения, характерные для пубертатного периода: подчинение всех импульсов и влечений примату гениталий. Эгоизм в сексуальном влечении сменяется альтруизмом, и с этого момента целью становится воспроизведение. Происходит пересечение двух течений – возвышенной и плотской чувственности – в отношении одного и того же объекта и на пути к одной и той же цели. При выборе объекта происходит одновременно либо его открытие, либо узнавание (когда он как бы откры-

¹¹ B. Brusset. *Psychanalyse du lien*, Paris, PUF «Le Fil rouge», 2007.

вается заново). Первый тип – привязанность к женщине, способной дать здоровое потомство. Любые извращения описаны как проблемы сексуального развития, связанные с инфантильными фиксациями. Фрейд рассматривает также вопрос фетишизации любовной жизни.

Работы по психологии любовной жизни (1910, 1912, 1918)

В своей статье 1912 года «Об унижении любовной жизни» Фрейд описывает специфику любовной жизни определенного типа личностей, бессознательная инцестуозная фиксация которых приводит к особому способу поддержания сексуальности на расстоянии от объекта любви. «Когда они любят, они не желают обладать, а когда желают – не могут любить»¹². Таким образом, пытаясь избежать инцеста, они как бы отгораживаются от объекта. Это первая психоаналитическая концепция выбора типа объекта любви, которую можно назвать «концепцией защиты». Описываемым личностям приходится психически унижать сексуальный объект, тогда как в отношении инцестуозного объекта сохраняется преувеличенная оценка. В этой же самой работе можно найти размышления о психическом бессилии цивилизованного человека, описание особенностей любовной жизни на Западе, в которой, по мнению Фрейда, смешение двух тенденций уже не так явно. Следовательно, все чаще возникают разного рода сексуальные фрустрации: «...мужчина почти всегда чувствует себя стесненным в проявлениях своей половой жизни благодаря чувству уважения к женщине и проявляет полную потенцию только тогда, когда имеет дело с низким половым объектом. Такое обстоятельство обуславливается, помимо прочего, тем, что к его половым стремлениям присоединяются компоненты извращенности, которых он не осмеливается удовлетворять с женщиной, заслуживающей уважения... тот, кто в любовной жизни хочет быть свободным и счастливым, тот должен преодолеть уважение перед женщиной и примириться с представлением о кровосмесительстве с матерью или с сестрой»¹³.

Наконец, в работе «Табу девственности» 1918 года поставлен вопрос о бессознательном женском желании кастрации, которое обусловлено завистью к мужскому пенису и может выражаться в таких патологических защитных моделях, как фригидность.

«К введению в нарциссизм» (1914)

В этой фундаментальной работе Фрейд описывает первичный и вторичный нарциссизм, оппозицию, или дуализм нарциссического и объектного либидо. Чем больше поглощает одно, тем больше скудеет второе. Такой взгляд на перетекание либидо между Я и объектом можно назвать односторонним и неинтерактивным. В рамках этой модели на выбор объекта может влиять либо нарциссизм, либо привязанность. Далее Фрейд отмечает связь между сверхценностью сексуального объекта и идеализацией объекта любви. Таким образом, по мнению Фрейда, первичный нарциссизм направлен на идеализацию объекта любви (как в случае родителей), но также и на создание идеального Я и идеализацию будущего ребенка. Он устанавливает связь между чувством самооценки и любовной жизнью; вырабатывает особый дискурс любовной страсти и намечает особый способ выбора нарциссического объекта, благодаря которому невроз может быть вылечен (выбор терапевтического объекта).

Определяя первичный нарциссизм как изначальную либидальную привязанность Я, он отмечает, что Я может встать на место объекта и сформировать объектное отношение.

¹² S. Freud. «Sur le plus général des rabaissements de la vie amoureuse» (1912), *La vie sexuelle*, Paris, PUF, 1969, p. 59. – Рус. пер.: З. Фрейд. Об унижении любовной жизни // Философия любви. Сборник. Ч. 2. М., 1990.

¹³ S. Freud. «Sur le plus général des rabaissements de la vie amoureuse» (1912), *La vie sexuelle*, Paris, PUF, 1969, p. 61.

«Влечения и их судьба» (1915)

Важность этого текста, на наш взгляд, состоит: 1) в синтезе идей о сексуальных влечениях; 2) в установлении первичного дуализма влечений (влечения Я, или влечения самосохранения/сексуальные влечения); 3) в историческом подходе к любви и ненависти, позволяющем лучше понять те элементы ненависти, которые характерны для определенных стадий психосексуального развития (оральной и анальной); 4) в описании амбивалентности аффектов и влечений в таких оппозициях, как мазохизм/садизм и эксгибиционизм/вуайеризм.

«Заметки о любви в переносе» (1915)

В этой выдающейся работе описан любовный опыт, переживаемый в естественных условиях. Любовь в переносе определена самой ситуацией анализа, в которой влечение к повторению приводит к переносу и к объектным отношениям: «Верно, что эта влюбленность состоит в пересмотре старых черт и повторяет инфантильные реакции. Но это – существенная особенность всякой влюбленности. Не бывает влюбленности, которая не повторяла бы инфантильного образца. Именно то, что составляет ее навязчивый характер, напоминающий нечто патологическое, происходит от ее инфантильной обусловленности»¹⁴.

«Печаль и меланхолия» (1917)

В этой книге речь идет о работе с печалью (как нормальной, так и патологической), следующей за потерей объекта, а также о типах привязанности к объекту и идентификациях. Фрейд, в частности, затрагивает проблему идентификации как предварительной стадии выбора объекта и того способа, с помощью которого Я в итоге и избирает объект (желая его инкорпорировать). В этой же работе Фрейд впервые отмечает различие между нарциссической идентификацией, присутствующей в меланхолической скорби, и истерической идентификацией, а затем также намечает саму теорию идентификации, которую разовьет в 1921 году.

Брюссе (Brusset, 2007) обращает наше внимание на то, что именно в этой работе Фрейд впервые разрабатывает вторую топикку и теорию объектных отношений. Тот же объект, о котором говорится и в теории влечений, теперь начинает играть ключевую роль в описании понятий нарциссической привязанности и амбивалентности. Меланхолия хорошо иллюстрирует некоторые постоянные величины отношений с постоянным объектом: объект, за которым мы можем наблюдать в процессе терапии и переноса, представляет собой точку приложения нарциссических и амбивалентных привязанностей наравне с объектом того или иного влечения.

«Психология масс и анализ человеческого Я» (1921)

В своей главной работе по идентификации, в которой она определена как примитивная форма отношения к объекту, а также как конечная цель объектного отношения и в которой раскрыт фундаментальный дуализм желаний идентифицироваться с объектом и вступить с ним в отношения взаимодополнения, в разделе «Влюбленность и гипноз» Фрейд ставит ряд крайне важных для нашей темы вопросов. В частности, поднимается вопрос истоков длительной привязанности к объекту любви, продолжающей существовать даже в периоды свободного удовлетворения сексуального желания. В качестве ответа он предлагает сочетание двух направлений, возвышенной и плотской чувственности, которое включает заторможенные и

¹⁴ S. Freud. «Observations sur l'amour de transfert» (1915), *La technique psychanalytique*, Paris, PUF, 1997, p. 126–127.

незатарможенные влечения. Анализируя возвышенную чувственность, можно измерить интенсивность состояния влюбленности, которая противоположна чистому сексуальному желанию. В более ранней работе «Актуальные размышления о войне и смерти» 1915 года Фрейд объяснял интенсивность влюбленности через противоположное бессознательное чувство гнева. Здесь же он производит топический анализ состояния влюбленности, сравнивая его с гипнозом и сумасшествием. Он отмечает факт идеализации объекта, поглощения нарциссизма Я объектом, последующее обеднение Я и ослабление критической функции, а также функции запрета Я-идеала. Также Фрейд описывает разницу между идентификацией и состоянием влюбленности: даже если последнее полностью переключает Я на объект, заменяя им Я-идеал, происходит интроекция объекта, обогащающая Я качествами этого объекта. Таким образом, объект занимает место Я и/или Я-идеала.

«О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920)

Здесь Фрейд впервые описывает другой тип выбора объекта: речь идет о компромиссе, который призван удовлетворить как гетеросексуальные, так и гомосексуальные желания человеческой бисексуальности. В этом контексте нельзя не вспомнить о том, что одно из важных достижений психоанализа – доказательство наличия в каждом нормальном человеке толики бессознательной гомосексуальности: «Таким образом, последний выбранный пациенткой объект соответствовал не только идеалу женщины, но и идеалу мужчины, объединяя удовлетворение гомосексуальных желаний с гетеросексуальными»¹⁵. Ниже он добавляет: «Обычно все наше либидо в течение жизни колеблется между мужскими и женскими объектами»¹⁶.

«О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности» (1922)

Эта работа, посвященная ревности, стала настоящим откровением для своего времени и сильно повлияла на Э. Джонса и М. Кляйн. Об их идеях мы поговорим чуть позже.

Фрейд отмечает, что в гомосексуальности не происходит разделения между общественным сознанием и выбором объекта. К тому же, продолжает он, в каждом субъекте, развившем эдипальную организацию, существует равновесие между гетеросексуальной привязанностью внутри пары и гомосексуальной привязанностью, сублимированной в социальных отношениях.

«Я и Оно» (1923)

Здесь Фрейд доходит до идеи сосуществования объектной привязанности и идентификации с объектом любви. Речь идет о интроективной идентификации, в рамках которой Я становится пространством возникновения интроецированных объектов. При ослаблении объектной привязанности происходит десексуализация, приводящая к идентификации или сублимации, а также к разъединению влечений, а значит, к освобождению от влечения к смерти. В этой работе Фрейд описывает эдипов комплекс (как позитивный, так и негативный) со всеми теми сложностями, которые он приносит в жизнь влюбленных. Выбор объекта (материнского или отцовского) приводит к идентификации и всегда связан с двумя трудностями: трехсторонней конфигурацией эдипальных отношений и врожденной бисексуальностью всякого индивида. Всегда присутствуют два объекта, две привязанности (гетеросексуальная и гомосексуальная)

¹⁵ S. Freud. «Psychogenèse d'un cas d'homosexualité féminine» (1920), *Névrose, psychose et perversion*, Paris, PUF, 1973, p. 255.

¹⁶ S. Freud. «Psychogenèse d'un cas d'homosexualité féminine» (1920), *Névrose, psychose et perversion*, Paris, PUF, 1973, p. 256.

и два влечения (Эрос и влечение к разрушению). Таким образом, амбивалентность и бисексуальность объединяются. Четыре стремления группируются в соответствии с двумя идентификациями – отцовской и материнской.

В рамках второй топике объект занимает главенствующее положение. В действительности Я, Сверх-Я, Оно и их отношения внутри одной личности соответствуют в процессе развития отношениям к людям, играющим важную роль в ее жизни (то есть к объектам желания и объектам идентификации).

Идеи, высказанные в работе «*Экономическая проблема мазохизма*» (1924), были развиты в книге Розенберга (Rosenberg, 1991).

«Фетишизм» (1927)

В этом тексте с наибольшей полнотой рассмотрены вопросы, связанные с извращениями и лежащими в их основе бессознательными процессами. В нем Фрейд вводит понятие частичного объекта и его отношений с целостным объектом. В частности, подробно описываются основные составляющие извращенных отношений.

Работы о женской сексуальности

«Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925), «Женская сексуальность» (1931) и другие работы затрагивают вопрос наличия аналога эдипова комплекса у девочек, а также проблематику доэдипальных отношений между матерью и младенцем. Действительно, рассмотрение комплекса Эдипа у девочек подводит нас к важнейшему доэдипальному периоду в жизни как девочек, так и мальчиков. Если говорить о девочках, то происходит необходимая смена объекта – с матери на отца, а также смещение эрогенной зоны от клитора к влагалищу. Фрейд делает особый акцент на привязанности девочки к матери и на большей важности бисексуальности у женщин, чем у мужчин. Он также пишет о зависти девочек по отношению к пенису и об отрицании женского. Затем он отмечает важность сдвига направленности аффектов и влечений от матери к отцу, а затем к объекту любви. Нарциссизм женщины более маркирован, она сильнее желает быть любимой, и это определяет выбор объекта.

«Неудовлетворенность культурой» (1930)

Так называемые океанические переживания, описываемые как переживания бесконечности, безграничности, единства с беспредельным, в физическом плане часто связываются с первоначальными зародышевыми симбиотическими отношениями с матерью. В состоянии влюбленности демаркационная линия между Я и объектом может стираться, что соответствует возвращению к беспредельному нарциссизму первых мгновений жизни.

Понятие объектных отношений у других авторов

Наше описание специфического психоаналитического объекта пары будет неполным, если мы не проследим развитие понятия объектных отношений, его различных трактовок и определений. Как отмечает Брюссе в работе «*Психоанализ связи*» (Brusset, 2007), «понятие объектных отношений возникло в русле поисков психоанализом путей освобождения от некоторых эпистемологических основ фрейдизма»¹⁷.

¹⁷ В. Brusset. *Psychanalyse du lien*, Paris, PUF «Le Fil rouge», 2007, p. 70.

Шандор Ференци

По мнению Брюссе, именно Ференци стал зачинателем такого освобождения. Начиная с работ 1909 года, отталкиваясь от своей теории первоначальной интроекции, он пытался определить перенос как повторение первых объектных отношений. В 1929 году Ференци радикально меняет направление психоаналитических исследований, смещая фокус внимания на травматогенные отношения ребенка с его окружением. Программной в этой области является его книга 1931 года «Путаница языков ребенка и взрослых»¹⁸.

Полемика Ференци с идеями Фрейда вдохновила многих исследователей на развитие теории психоанализа. Брюссе особенно выделяет Р. Фэйрберна, М. Балинта и М. Кляйн.

Майкл Балинт

Венгерско-британский психиатр Майкл Балинт посвятил свою профессиональную жизнь изучению первоначальных отношений матери и младенца. Пытаясь объединить подходы Фрейда и своего учителя Ференци, он исходил одновременно из теории влечений и теории объектных отношений. Такая позиция близка взглядам Фэйрберна. Потребность в тотальной и безусловной любви он называет первой и наиболее фундаментальной формой объектного отношения. Балинт вводит такие понятия, как «первичная любовь» и «базовый дефект», подразумевая под этим дефект родительской любви. Либи́до направлено по двум базовым направлениям: поиск удовольствия и поиск объекта. Агрессия же, являющаяся реакцией на потерю первичной любви, всегда вторична.

Уильям Рональд Фэйрберн

Фэйрберн отвергает взгляд Мелани Кляйн на объектные отношения как на нечто, принадлежащее всецело области фантазии. Наоборот, именно реальный объект играет определяющую роль в жизни индивида до того, как сформировался внутренний объект. Отношения между Я и объектом обладают конкретной структурой и являются определяющими. Я формируется в своей обращенности к объекту и в соответствии с ним. Либи́до, будучи функцией Я, появляется при самом рождении и в первую очередь направляется на поиски объекта, а не удовольствия. Изначальная тревога есть тревога расставания, и в этом смысле интериоризация объекта развивается как специальный защитный механизм. Агрессия же представляет собой реакцию на фрустрацию и утрату. Фэйрберн приходит также к отрицанию существования влечения к смерти.

¹⁸ S. Ferenczi. «Confusion de langues entre l'enfant et les adultes» (1931), *Œuvres complètes*, vol. IV, Paris, Payot.

Мелани Кляйн

Концепция объекта и объектных отношений

М. Кляйн делает акцент на отношениях к фантастическому объекту, то есть к внутреннему объекту, который является основным звеном процессов проекции и интроекции на ранних этапах развития.

Разрушительные влечения входят в первые младенческие переживания плохого внутреннего объекта. Сначала он должен освободиться от них посредством проекций (параноидно-шизоидная позиция), а затем через депрессию выработать целостный объект, то есть хороший и плохой одновременно. В действительности завершением депрессивной позиции является интроекция хорошего объекта и создание амбивалентных объектных отношений, другими словами, уход от разделения на исключительно плохой и хороший объекты, а также и от разделения на целые и частичные объекты.

Роль объекта во внутреннем мире состоит в том, чтобы дифференцировать влечения, организовывать их. Внешний же объект, даруя ребенку в достаточной степени положительные переживания, ограничивает и контролирует систему проекций и интроекций плохих объектов. Как следствие, мать и отец играют роль ограничителей варьирования системы проекций внутренних объектов, которые постоянно перестраиваются, но не могут сами организоваться.

Таким образом, квазиисключительность внутренних объектов не позволяет им уступить место реальности и поискам принципиально другого объекта.

«Любовь и ненависть»¹⁹ (1937) и «Зависть и благодарность»²⁰ (1957)

Рассмотрим две эти работы, посвященные осмыслению любовной жизни и жизни пары. Стоит также упомянуть две важнейшие работы, в которых описываются параноидно-шизоидная и депрессивная позиции. Эти концепты необходимы нам для понимания истории и динамики супружеских связей: «Еще раз о психогенезе маниакально-депрессивной стадии» (1934) и «Печаль и ее связь с маниакально-депрессивной стадией» (1940)²¹. Кляйн обогатила и углубила понимание определенных аспектов любовной жизни, впервые описанных Фрейдом. Она пишет об амбивалентной оппозиции любовь/ненависть как о внутренне присущем человеку состоянии. Ненависть – сила разрушения и дезинтеграции, в то время как любовь – сила гармонии и единства. Кляйн различает агрессию (инстинкт самосохранения и борьбы за выживание) и агрессивность, связанную с ненавистью. Она описывает три простейших механизма защиты у грудного ребенка, которые можно позже отследить и в любовной жизни: 1) проекция – первая мера безопасности, используемая малышом на фоне тревоги, вызванной угрозой уничтожения (влечение к смерти); 2) расщепление объектов на плохие и хорошие, позволяющее избежать мук амбивалентности в общении с матерью (сначала это касается груди, потом самой матери); 3) идеализация как защита от тревоги преследования. Итак, цель младенца – получить максимум психической безопасности и максимум удовольствия, избавляясь от опасных и разрушительных чувств. Жадность, или желание обладать, есть выражение влечения к жизни, так же как чувства зависти к противоположному полу. Женщины хотят иметь пенис, иметь возмож-

¹⁹ M. Klein, J. Rivière. *L'amour et la haine* (1937). Paris, Payot «Petite bibliothèque», 1978.

²⁰ M. Klein. *Envie et gratitude et autres essais* (1957). Paris, Gallimard «Tel», 1978.

²¹ Ibid. *Essais de psychanalyse 1921–1945*, Paris, Payot, 1968-1998.

ность пенетрации и способность зачинать детей. Мужчины хотят переживания пассивной роли, возможности поддерживать, ухаживать и страдать. Следуя за Фрейдом и Эрнестом Джонсом, Кляйн описывает ревность как подлинную любовь, способную на самопожертвование, мучение и зависимость. «Любовная связь приносит, во-первых, удовлетворение инстинкта жизни (инстинкта сохранения, сексуального инстинкта), приближающего к переживанию гармонии и единства, во-вторых, возрастание чувства безопасности от разрушительных инстинктов и опасности потери, одиночества и бессилия. Состояние удовольствия достигается без разлуки, потери и агрессивности, а *преимущества зависимости* используются максимально»²².

Если же говорить о выборе партнера, Кляйн напоминает нам, что на чувства мужчины к женщине всегда влияет его первая привязанность к матери. В любовных отношениях взрослый человек ищет возможности заново пережить детские впечатления и связанные с ними фантазии. Более того, партнеры соотносятся друг с другом и на уровне бессознательного: сын в женщине желает обрести мать, а дочь в мужчине – отца. Именно эти тенденции и становятся первым шагом к взаимной привязанности супругов.

Отгалкиваясь от идеи фантастичности мужской и женской сексуальности, Кляйн пишет о садистических фантазиях младенца, направленных на мать и отца. Она утверждает, что сексуальность связана с чувством вины, вызванным путаницей между сексуальным желанием и агрессивными импульсами, приводящим к необходимости восстановить объект любви и поклонения. Удовлетворение сексуальности, то есть получение удовольствия, порождает также чувство психической безопасности и поддержки, убеждая мужчину и женщину в том, что в их сексуальности нет ничего опасного. Таким образом, им хорошо вдвоем, поскольку они испытывают подлинное сексуальное удовольствие. Более того, возникает желание идентифицировать себя с хорошим родителем и хорошим ребенком, а также разделить с партнером удовольствие, характерное для его пола.

О зависти, являющейся важным элементом психологии пар, Кляйн писала очень много, и все ее наблюдения крайне ценны. Зависть есть садистически-оральное и садистически-анальное проявление разрушительных влечений, появляющихся с самого рождения и не позволяющих радоваться и быть благодарным. Зависть к пенису, по мнению Кляйн, связана с завистью к материнской груди. Как все это отражается на сексуальной жизни?

Для женщин завоевание мужчин и коллекционирование любовников есть возможность пережить победу над пенисом и грудью. Так, Кляйн устанавливает связь между генитальным и первичным оральным удовлетворением.

В случае мужчин интенсивное чувство зависти трансформируется в ненависть и тревогу по отношению к вагине. Если на оральной стадии были трудности, то в генитальных отношениях с женщинами мужчина будет демонстрировать такие симптомы, как импотенция и навязчивая необходимость в вознаграждении.

В результате Кляйн утверждает, что проективная идентификация и интроективная идентификация являются факторами, порождающими путаницу, размывающими границы, с одной стороны, между Я и объектом, с другой – между внутренним и внешним миром.

²² M. Klein, J. Rivière. *L'amour et la haine*, Paris, Payot «Petite bibliothèque», 1978, p. 62.

Посткляйнианцы: Винникотт и Бион

Д. Винникотт и У. Бион, сами того не зная, предложили две модели влюбленной пары: отношения между матерью и младенцем и отношения между пациентом и аналитиком могут считаться такими моделями.

Дональд Вудз Винникотт

Винникотт писал о том, что в начале любой жизни есть единство, структура, организация: «индивид и окружающее его пространство», «младенец и материнская забота». Пара «мать – младенец», по Винникотту, связана с изначальным нарциссизмом, который подразумевает полное слияние индивида с окружающей средой. Между изначальным нарциссизмом и межличностными отношениями существуют промежуточные стадии, на которых присутствуют переходные объекты и явления, сначала поддерживаемые игрой, но потом становящиеся фактами культуры. Их он относит к третьей области, области опосредованного переживания, отличающейся как от психической, так и от внешней реальности. Эта область располагается в особом потенциальном пространстве между индивидом и окружающим миром, объединяющим и разделяющим мать и младенца. «Область опосредованного переживания существует на протяжении всей жизни человека. Именно в ней находится место внутренним экспериментам, столь характерным для искусства, религии, работы воображения и научного творчества»²³.

Винникотт помогает нам осознать, что область общего группового переживания (например, в сфере религии или искусства) возможна именно благодаря наложению друг на друга областей опосредованного опыта. Также он пишет о психотерапии, проходящей «в том самом месте, где две области игры – пациента и терапевта – пересекаются. Что такое психотерапия? Совместная игра двух личностей»²⁴. Нельзя ли сказать то же самое о супружеской паре?

Прежде чем говорить о творчестве и иллюзии, вспомним еще одно явление, описанное Винникоттом – взаимосвязь, пропитанная пересекающимися идентификациями, как проективными, так и интроективными. Подразумевается возможность использования и неиспользования механизмов проекции и интроекции. Таким образом, «большая часть нашей жизни проходит при пересечении идентификаций»²⁵. Благодаря им устанавливается демаркационная линия между Я и не-Я. Вышеописанное явление позволяет нам глубже изучить процессы, связанные с супружескими отношениями и установкой границ между Я партнеров.

Винникотт настаивал на важности роли творчества, необходимости поддержки творческих порывов ребенка, а также отмечал связь между иллюзией, творческой жизнью и самим фактом жизни. Он пишет о «способности ребенка использовать иллюзию, без которой контакт между его психикой и окружающим миром никогда не был бы установлен»²⁶. Творчество, по Винникотту, определено необходимостью и стремлением к иллюзии.

Все эти понятия связаны с внутренним потенциалом роста и развития, с процессом взросления. Мы же можем провести свою аналогию: только еще намечаясь, супружеская пара уже должна обнаружить творческий потенциал, необходимый для роста, интеграции и зрелости.

Среди процессов взросления как ребенка, так и пары наиболее фундаментальным нам представляется прохождение депрессивной стадии. Винникотт связывает эту стадию с перио-

²³ D. W. Winnicott. *Jeu et réalité* (1971), Paris, Gallimard, 1975, p. 25.

²⁴ D. W. Winnicott. *Jeu et réalité* (1971), Paris, Gallimard, 1975, p. 55.

²⁵ D. W. Winnicott. *Jeu et réalité* (1971), Paris, Gallimard, 1975, p. 188–189.

²⁶ D. W. Winnicott. «Psychose et soins maternels» (1952), *De la pédiatrie à la psychanalyse*, Paris, Payot, 1969–1992, p. 192.

дом одиночества, амбивалентностью, чувством вины, а также с приношением, жертвой, заботой о другом, чувством личной ответственности. По мнению Винникотта, чувство вины происходит из изначального представления о двух матерях – любящей спокойно и любящей возбужденно, то есть о любви и ненависти.

Способность пребывать в одиночестве – важная для социальной жизни характеристика. Переживание одновременно любви и ненависти свидетельствует о победе амбивалентности, а затем, когда она становится более утонченной, индивид начинает учиться одиночеству.

Рассмотрение бисексуальности как качества «целостной самости» представляется нам важнейшим нововведением Винникотта. Чистые маскулинные и фемининные элементы, переживание бытия, основанное на переживании всемогущества, позволяют, с одной стороны, появиться чувству собственного Я, свободного от влечений, с другой стороны – объектное отношение, подразумевающее разделение на субъект и объект, образует два полюса, вокруг которых выстраивается динамика брачных, групповых (чисто фемининное) и межличностных (чисто маскулинное) отношений. Их сочетание приводит к появлению бисексуального «целостного супружеского Я».

И наконец, отметим статью Винникотта «Общение и его отсутствие: к началу изучения некоторых противоположностей» (Winnicott, 1963), в которой он пишет об индивидах, которые переживают ядро личности, истинное Я, не имея возможности общаться с миром внешне воспринимаемых объектов. В отношениях пары также присутствуют особые зоны необщения. Таким образом, общение необязательно должно быть непрерывным и всеобъемлющим. К этому выводу нас подводит также другая статья Винникотта «Способность быть одному» (Winnicott, 1958), в которой он описывает фундаментальные принципы одиночества. Способность быть одному зиждется на существовании в психической реальности индивида хороших внутренних объектов, хороших интериоризированных отношений, рождающих чувство доверия и небольшую тревогу преследования.

Быть одному в присутствии другого оказывается возможным, когда незрелость Я естественным образом компенсируется поддержкой со стороны матери. Затем индивид интериоризирует эту материнскую поддержку Я и становится способным пребывать в одиночестве в отсутствие и реальной, и символической матери. Он как бы выстраивает свое «внутреннее пространство». Винникотт также дает понять, что «способность индивида к одиночеству зиждется на способности противостоять чувствам, вызванным первосценой»²⁷.

Но что можно сказать о способности оставаться одиноким в присутствии другого, когда другой – это ваш супруг/ваша супруга?

Уилфред Рупрехт Бион

Вклад этого аналитика и ученого велик и включает:

- новаторские исследования динамики малых групп и их специфики, которые стали основой для группового психоанализа;
- исследования отношений между матерью и грудным ребенком и между пациентом и психоаналитиком, которые он описывает как взаимоотношения, а не просто односторонние объектные отношения.

Начнем рассмотрение его новаторских идей с психоаналитического подхода к группам, который, во-первых, повлиял на развитие британской, аргентинской и французской школ психоанализа, а, во-вторых, с точки зрения нашего исследования важен для понимания одного из

²⁷ D. W. Winnicott. «Psychose et soins maternels» (1952), *De la pédiatrie à la psychanalyse*, Paris, Payot, 1969–1992, p. 328.

главнейших этапов формирования пары как объекта, поскольку пара может рассматриваться как естественно сформировавшаяся группа.

Групповой психоанализ

Бион утверждает, что индивид всегда является членом группы, человек – «групповое животное», которое постоянно находится в конфликте и с группой, и с определенными аспектами собственной личности, составляющими ее «социальность». В этом он полемизирует с Фрейдом, который, по мнению Биона, свел эти конфликты исключительно к борьбе с культурой. Эти представления о «социальности» всякого индивида и его причастности группе представляются нам фундаментальными нововведениями Биона.

«В действительности никакой индивид, изолированный во времени и пространстве, не может рассматриваться отдельно от группы и какой-либо коллективной психологической деятельности»²⁸. «Принципиальное различие коллективной и индивидуальной психологии есть иллюзия, родившаяся из понимания группы как некоего нового для наблюдателя и чуждого ему объекта наблюдения»²⁹.

Вместо идеи о «социальности» индивида он вводит понятие «групповой ментальности», которая не зависит от ментальности индивида. Именно она цементирует группу, но и мешает психотерапевтической работе с ней. К этому мы еще вернемся. Для начала необходимо разобрать следующее бионовское понятие: «фантазия существования группы», «которая поддерживается уверенностью в том, что регрессия, вызванная потерей индивидом своей индивидуальности, является признаком процесса деперсонализации. Именно поэтому мы редко рассматриваем группу как совокупность индивидов. Получается, что, коль скоро наблюдатель постулирует факт существования группы, значит, составляющие ее индивиды уже необходимо прошли через эту регрессию»³⁰.

Кроме того, утверждает Бион, в любой группе существование множества разных направлений психической деятельности, представленных «рабочей группой» и «базовой группой», зиждется на так называемых «основных предпосылках».

Речь идет о двух свойствах функционирования психики в малых группах. Рабочая группа представляет собой сознательное и добровольное сотрудничество при осуществлении какой-либо деятельности, предусматривающей общую цель и связь с реальностью, личные характеристики индивидов и активизирующейся логикой функционирования вторичных психических процессов. Однако такое сознательное сотрудничество не полностью рационально, а «вторично», поскольку активизируется оно в том числе и эмоциональными силами бессознательного, то парализующими, то стимулирующими. Существует также и базовая группа, функционирующая по законам логики первичных психических процессов. По Биону, объединенные в группу индивиды мгновенно и произвольно действуют в соответствии с аффективно окрашенными «основными предпосылками». Он выделяет три основные предпосылки: зависимость, реакция «бей – беги» и сдвигание, – которым группа поочередно и неосознанно подчиняется. Одновременно они не проявляются. Одна из них всегда доминирует, скрывая остальные в виртуальной «протоментальной системе».

Все три основные предпосылки, качественно описывающие различные возможные содержания групповой ментальности, соотносятся, по Биону, с групповыми защитными реакциями на психотическую тревогу, вызванную неизбежной регрессией индивида внутри группы.

²⁸ W. R. Bion. *Recherches sur les petits groupes* (1953), Paris, PUF, 2000, p. 115.

²⁹ W. R. Bion. *Recherches sur les petits groupes* (1953), Paris, PUF, 2000, p. 116.

³⁰ W. R. Bion. *Recherches sur les petits groupes* (1953), Paris, PUF, 2000, p. 95.

Именно поэтому в отличие от Фрейда, который связывал с динамикой групп, семей и таких институтов, как церковь и армия, только невротические механизмы, Бион, вдохновленный работами Кляйн, смог выявить на уровне групп специфические психотические механизмы, принадлежащие параноидно-шизоидной и депрессивной стадиям, которые он считал наиболее важными.

Взаимоотношения «мать/грудной ребенок» и «пациент/аналитик»

Следуя за М. Кляйн, Бион отмечает принципиальную важность проективной идентификации, связанной со способностью матери или аналитика грезить наяву (в терминологии Биона – фактор альфа-функции). Он также вводит понятие отношений между контейнером и контейнируемым, которые имплицитно присутствуют во всяком процессе проективной идентификации.

По мнению Биона, между мыслью и проективной идентификацией существует генетическая связь. Непереносимость фрустрации определяет рост возбуждения психики. Изначально мысль является способом разгрузки психики от возбуждения, а проективная идентификация при этом выработалась как специальный механизм, основанный на всемогущей фантазии о возможности временного отслаивания нежелательных частей и их инвестирования в объект. Таким образом, предполагается существование связи между контейнером, в котором содержится контейнируемое, и контейнируемым, которое может быть спроецировано на контейнер.

А как же способность матери грезить наяву?

«К примеру, мать любит ребенка, но в чем конкретно это выражено, то есть буквально *чем* она это делает? Если оставить в стороне непосредственное физическое общение, то получился, что любовь выражается в грезах»³¹. Так чувственный опыт трансформируется в психическое и аффективное переживание. Эта трансформация подразумевает особую проекцию неинтегрируемых бета-элементов, в рамках которой отношение другого (матери, аналитика) – через процессы детоксикации и переработки, связанные с их способностью грезить, – делает возможной реинтроекцию. Бион объясняет, что подобная «материнская альфа-функция» будет постепенно интроецироваться грудным ребенком, другими словами, она будет выстраиваться в психике, становясь частью аппарата альфа-функции. Речь идет о системе контейнер/контейнируемое, относящейся к грудному ребенку. Однако то же справедливо и для отношений между пациентом и аналитиком.

Эти мысли мы берем из работ Биона для описания специфического объекта «пары».

³¹ W. R. Bion. *Aux sources de l'expérience* (1960), Paris, PUF, 2000, p. 53. – Рус. пер.: У. Р. Бион. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.

Генри Дикс и Юрг Вилли

Вводя понятие «брака как сговора», эти два автора предлагают новый взгляд на отношения – супружеские, межличностные, динамические и систематические, – оживленные бессознательными структурирующими процессами.

Генри Дикс: «Виды супружеской напряженности»³²

Основываясь на наследии Кляйн и Фэйрберна, Дикс вводит понятие «сговора». Он ставит акцент на амбивалентности тех причин, по которым индивид выбирает себе партнера, отмечая важность такого процесса, как реакция на вытесненный материал. Такое первоначальное притяжение в итоге порождает кризис между партнерами в том случае, если внутриспсихические конфликты одного из них, резонируя с вытесненным материалом другого, заново активируют структуру «сговора». По мнению Дикса, данный процесс происходит из-за совокупного действия всех проекций и интроекций, в особенности проективных идентификаций. Этот так называемый «сговор» интересен тем, что во время него между партнерами возникают «плавающие проекции», когда каждый из них защищает себя, проецируя на другого различные аспекты «плохих внутренних объектов».

Юрг Вилли: «Отношения пар»

Этот автор развивает понятие сговора, превращая его в центральный концепт, бросающий свет на некоторые аспекты бессознательных межличностных отношений внутри пары. Эта идея потом будет подхвачена Жаном Лемэром.

«Опираясь на Г. Дикса, я называю „сговором“ взаимодействие партнеров, основанное на общей для них бессознательной доминанте»³³.

Действительно, согласно Вилли, оба партнера разделяют общую бессознательную конфликтную проблематику – объект, притягивающий их обоих, их «диадическую зацепку», которая также становится причиной последующих конфликтов, разрешающихся только через распределение «защитных» ролей. Каждый чувствует, как партнер укрепляет его в его защитной позиции. Тем не менее после нескольких лет совместной жизни эта «попытка исцеления сговором» окончательно проваливается из-за возвращения вытесненного в бессознательное материала, а также ряда аспектов, окончательно экстерниоризированных и «вверенных» партнеру.

Следовательно, по мнению Вилли, выбор супруга одновременно есть компромисс и конфликт, являющийся общим невротическим симптомом. Он выделяет четыре типа сговора:

– *нарциссический сговор* характеризуется такой связью между партнерами, внутри которой один – нарцисс – воплощает для другого свое идеальное Я, подкрепляя таким образом свой нарциссизм идеализацией партнера. Однако у обоих этот процесс затмевает ностальгию по тотальному симбиозу, на которой основываются всякие любовные отношения.

– *оральный сговор* основан на любви, ассимилирующей отношение матери и младенца. Любить – значит дарить заботу, внимание и защиту. В рамках таких отношений один из партнеров берет на себя роль матери, другой – младенца. Один отдает, другой получает – в этом заключен фундаментальный принцип этого типа сговора. «Младенец» заставляет партнера отдавать ему всю заботу, а «мать» вынуждает партнера регрессировать до состояния беспомощности.

³² H. V. Dicks. *Marital Tensions*. London, Routledge, 1967.

³³ J. Willi. *La relation de couple* (1975), Paris, Delachaux & Niestlé, 1982, p. 58.

– «садо-анальный сговор» подразделяется на сговор господина и раба, садо-мазохистский сговор и сговор ревность – неверность. Так, «активный» стремится к доминированию, автономии и неверности, наделяя партнера своим желанием подчиняться и тревогой разлуки. «Пассивный» стремится к зависимости, подчинению и ревности, в свою очередь, наделяя партнера своим желанием быть независимым, а также своими фантазиями об измене.

– *эдипально-фаллический* сговор основан на проблеме соперничества партнеров за право «быть мужчиной в паре». Так, мужчина стремится показать свою мужественность, наделяя партнера пассивными женскими атрибутами. А его партнерша принимает пассивную женскую роль, тайно желая взять «фаллический реванш».

Кроме того, выбор партнера направляет эдипов комплекс, участвующий в структуризации всякой супружеской жизни, а неразрешенный эдипальный конфликт может стать, по мнению Вилли, препятствием для построения пары, в частности, из-за страха инцеста.

Вилли уточняет, что речь идет исключительно о динамических принципах. Более того, он утверждает, что в супружеских связях каждый из партнеров всегда так или иначе подвергается влиянию этих процессов, иногда в регрессивной, иногда в прогрессивной форме. Важнейший признак здоровых отношений – гибкость, уступчивость, с которой каждый способен взять на себя то регрессивную, то прогрессивную роль, в то время как патологические отношения характеризуются ригидностью и защитной фиксированностью ролей.

Помимо этих интересных размышлений о «сговоре» как общей бессознательной невротической игре между двумя партнерами («общем бессознательном»), Вилли принадлежит также мысль, что в супружеских отношениях некоторые черты характера усиливаются, в то время как другие ослабляются или вовсе исчезают, таким образом личности обоих членов супружеской пары могут меняться. Сходным образом часть потенциала отношений, оставаясь неиспользованной, актуализируется в других областях: мире фантазий субъекта, профессиональных, дружеских отношениях, досуге.

Перед нами встает ряд фундаментальных вопросов: что в психике обоих членов супружеской пары мобилизуется? Как сама ситуация бытия в паре влияет на бессознательное обоих партнеров? Какими могут быть типы функционирования психики в соответствии с типами отношений?

Жан-Жорж Лемэр

Основные работы и трактовка пары

Перечислим основные работы Ж. Лемэра: «Супружеские конфликты» (1966); «Терапия пар» (1971); «Жизнь и смерть пары» (1979); «Семья, любовь, безумие» (1989); «Слова пар» (1998); «Что делать со страстью?» (2005); коллективная монография «Бессознательное в семье» (2007).

Лемэр является основателем Французской ассоциации центров консультирования супружеских пар, возникшей в 1961 году. В 1963 году он начал издавать журнал «Диалог», а в 1979 году основал Центр подготовки специалистов в области семейной терапии и терапии пар.

Лемэр рассматривает пару исключительно в межличностном аспекте – как в синхронии, так и в диахронии – причем с точки зрения психоанализа и теории систем. Он подхватывает развитое Вилли понятие «сговора», использует концептуальный аппарат Фрейда, Кляйн и Винникотта. Основная проблематика исследований Лемэра: выбор партнера, этапы истории пары, супружеские кризисы и конфликты, а также догенитальные объектные отношения (в этом направлении он развивает идеи М. Буве). Он также задействует понятия теории коммуникации и использует идею системы с ее принципами организации, функционирования и регуляции. В последнее время он также занимается вопросами прагматики вербальных и невербальных средств коммуникации.

Таким образом, Лемэр рассматривает пару как человеческую микрогруппу, структурированную, саморегулирующуюся систему, основанную на взаимодействии сознательных и бессознательных желаний и потребностей каждого из ее членов, а также на взаимной амбивалентной привязанности. Вся эта структурированная совокупность ритмизируется сменой фаз организации и дезорганизации отношений между партнерами, образуя нечто вроде динамического равновесия. Лемэр также рассматривает пару как своего рода игру проекций и идентификаций, проективных и интроективных, придающую ей прочную устойчивую форму.

В случае гетеросексуальных пар Лемэр принципиально различает: любовное приключение (краткосрочное образование пары) и брак (долговременное образование пары).

В первом случае партнерам нужно получить быстрое чувственное удовлетворение, имеющее либидинальную и/или нарциссическую природу. Поиски удовольствия связаны с поисками объекта, его завоеванием, подтверждением способности к обольщению. Когда все эти формы получения удовольствия исчезают, связь разрушается.

Долгосрочная связь – это так или иначе супружеский проект. Если в этом случае объект должен нести также удовлетворение либидинальных и нарциссических импульсов, то он интегрируется защитной структурой субъекта. И интериоризированный объект любви начинает использоваться субъектом как средство защиты. Отсюда более интенсивная, более эгоистичная связь с объектом, поскольку именно это более или менее двустороннее обладание и запускает механизм защиты.

Мы обсудим идеи Лемэра в четвертой главе, особенно подробно в разделе о разных типах структуризации пары в связи с разными типами выбора партнера. Его идеи будут упомянуты также в главе, посвященной терапевтической работе.

Групповой психоанализ

Возникновение психоаналитической модели группы стало эпистемологически важным нововведением в истории формирования специфического объекта пары. Действительно, начиная с чисто психоаналитических подходов к любовной жизни, включающих изучение влечений, фантазий и «объектных отношений», мы теперь рассматриваем межличностные и отношения аспекты, которые были описаны Винникоттом и Бионом на модели отношений мать – младенец и пациент – аналитик. Затем, усвоив понятие «сговора», введенное Диксом и развитое Вилли, а также идеи Лемэра, мы пришли к двумерному пониманию пары: в межличностном и системном планах. Именно поэтому мы считаем, что групповая модель даст нам новое представление о психической реальности пары, позволив заложить основы нового терапевтического подхода.

Аргентина

Э. Пичон-Ривьер (Pichon-Rivière, 1965) рассматривал работу с группой с точки зрения социальной психологии. Х. Блегер (Bleger, 1967, 1970) установил фундаментальное различие между двумя формами общения – синкретической и интерактивной.

Великобритания

В Лондоне в начале 1940-х годов З. Г. Фукс, Дж. Рикман и Г. Эзриэл заложили основы группового психоанализа. Был разработан метод исследования психических процессов, развивающихся внутри группы. Базовые понятия и техники были выведены из основополагающих концепций теории и методологии психоанализа и специальных исследований, рассматривающих группу как специфический объект. Групповой анализ в узком смысле – это психотерапевтическая техника и особый тип работы с бессознательными переживаниями в контексте группы.

Бион, работавший в одной клинике с Фуксом, предлагал альтернативную концепцию зарождения и развития групповых процессов.

Франция

Начиная с середины 1960-х годов Д. Анзье, А. Бежарано и Ж.-Б. Понталис, а впоследствии еще Р. Каэс разрабатывали новый подход в групповом психоанализе, отказавшись от применения понятий и методов из области индивидуального анализа.

Жан-Бертран Понталис: «Малая группа как объект»³⁴

По мнению Понталиса, группа функционирует как фантазия в психике индивида. Таким образом, он наделяет группу ценностью психического объекта, средоточием направленности влечения и бессознательного представления. Р. Каэс назвал его работу переходной точкой во французском групповом психоанализе.

³⁴ J. B. Pontalis. Le petit groupe comme objet (1963), Après Freud. Paris, Gallimard «Tel», 1993.

Дидье Анзье: модель сновидения, «Группа и бессознательное»³⁵

По мнению Анзье, группа, подобно сновидению, является средством реализации бессознательных желаний. Он также предлагает модель группы как некоей целостности, внутри которой действуют бессознательные процессы. В этом он отталкивается от идей Биона и Фукса, но также вписывает в них и свою модель сновидения.

Продолжая идеи Биона, Анзье утверждает, что группа функционирует на двух уровнях – фантастической деятельности и групповой работы. Действительно, члены группы объединяются для решения общей задачи. Однако все межчеловеческие связи, по сути, представляют собой круговорот фантазий – идеологий, мифов и утопий. В фантастическом плане группа есть, в соответствии с биологической метафорой, организм или тело, а каждый из ее членов является конкретным органом или частью тела. «Групповое Я» постоянно пытается найти себя внутри этого тела. Анзье выделил ряд бессознательных организующих структур группы:

– *Индивидуальная фантазия* соответствует понятию фантазматического резонанса, описанному А. Мисенаром (Missenard, 1971), и представляет собой «перегруппировку некоторых участников вокруг одного из них, который своими поступками или своей манерой выражает одну из своих бессознательных индивидуальных фантазий. Такую перегруппировку можно считать схождением интересов, взаимной стимуляцией»³⁶. Генератор фантазии в таком случае занимает место «группового Я». Истоки индивидуальной фантазии лежат в симбиотических отношениях между младенцем и матерью.

– *Имаго, первичные фантазии, эдипов комплекс как организующие метапринципы*: образ тела и психическая природа устройства группы. Лидер, группа, идеология заменяют членов психической структуры и одновременно берут на себя функцию контейнера бессознательных психических процессов, происходящих между членами группы.

К тому же Анзье обозначил три принципа, относящихся непосредственно к психическому функционированию группы:

- недифференцированность индивида и группы;
- самодостаточность группы в плане психической и социальной реальности;
- разделение внутреннего и внешнего.

Анзье утверждает, что образы мышления и действия, а также восприятие реальности опосредуются превалирующими индивидуальными фантазиями некоторых членов группы, которые либо заражают других, либо вызывают отторжение. Таким образом, схождение фантазий и их унификация порождают идеологию, то есть четко сформулированную и предельно конкретную мифологию.

Рене Каэс (Kaes, 2007, 2009)

В рамках психоаналитического подхода к группам Каэс выделил три логических уровня изучения их психической реальности: уровень собственно группы; уровень связей между членами группы; уровень субъекта – одного из членов группы. По мнению Каэса, основное групповое переживание – это опыт соединения этих трех пространств (группы, межличностных связей и внутрисубъективного пространства). Именно в контексте этой проблематики в конце 1960-х годов он предложил модель *психического устройства группы*, что позволило упорядочить психоаналитические знания, определив место и роль каждого из трех пространств и обозначив все процессы, протекающие между ними.

³⁵ D. Anzieu. *Le groupe et l'inconscient*. Paris, Dunod, 1975.

³⁶ D. Anzieu. *Le groupe et l'inconscient*. Paris, Dunod, 1975. P. 182.

Кроме того, с помощью ряда введенных им понятий стало легче анализировать эти многочисленные взаимосвязи. В частности, Каэс предложил следующие понятия: внутренней группы и психической «группировки» (*groupalité*), форических функций, общего бредово-галлюцинаторного пространства, бессознательных союзов и работы межличностных отношений.

Внутренние группы (первичные и вторичные) – это группы, существующие внутри каждого из нас, «мы как группы». Первичные внутренние группы, в частности, включают сеть идентификаций, групповую структуру Я, группу объектных отношений, эдипов и другие комплексы, а также образ собственного тела. *Психическая «группировка»* – это совокупность наиболее общих атрибутов психической материи, включающая способность «ассоциировать, разграничивать, выравнивать психические объекты, формировать их в совокупности в соответствии с законами композиции и трансформации, под действием инстинктов жизни и смерти, механизма вытеснения и отрицания»³⁷. Внутри «группировки» мы становимся «единичными множественными» субъектами.

Концепция «группировки» позволяет нам ответить на вопрос «Как субъекты собираются в группы?». Действительно, внутри группы функционируют психические организующие принципы, которые сочетаются с социокультурными организующими принципами. Итак, в каждой группе можно выделить ведущие организующие принципы – психические и социокультурные, – в соответствии с которыми укрепляется идентичность группы и идентификации ее членов.

Каэс делает предположение, что эти два типа организующих принципов начинают действовать в процессе выстраивания психической структуры группы.

Вводя понятие *форических функций*, Каэс указывает на то, что некоторые члены группы берут на себя роль суставов, посредников в переходе от психических пространств отдельных субъектов к общему пространству (пары, группы, семьи, организации). Они становятся выразителями симптомов и идеалов. Что же возвращается обратно субъекту и что нового появляется в групповом процессе?

Каэс выделяет функции передачи, представления, вмещения, семиотизации и символизации.

Что же он подразумевает под *бессознательными союзами*? «Межличностное психическое образование, созданное членами группы для укрепления связей и формирования базы для обоюдных нарциссических привязанностей, в которых они нуждаются, а также ранее вытесненных психических процессов и структур»³⁸. Однако бессознательные союзы интересны и с точки зрения их влияния на входящих в них субъектов. Такие союзы требуют выполнения обязательств и подчинения. К тому же – и это самое главное – они становятся частью бессознательного и психической реальности тех, кто в них входит.

Каэс различает три категории бессознательных союзов: структурирующие, защитные и наступательные.

Структурирующие союзы способствуют выстраиванию психической структуры. Среди них: заключаемый с Отцом или между Братьями эдипальный пакт (символический договор); договор об обоюдном отказе от влияния деструктивных импульсов; разного рода нарциссические договоры. Защитные союзы основаны на общем для его членов отрицании, каком-либо отталкивании и патологии. Наступательные союзы – это согласие группы произвести нападение, взять верх над кем-то или чем-то. Об этом мы еще поговорим в следующей главе.

Понятия бессознательных союзов и форических функций относятся как к области субъектных и межличностных отношений, так и к метапсихологии. Мы можем их толковать с точки зрения топикки, экономики и межличностной динамики.

³⁷ D. Anzieu. *Le groupe et l'inconscient*. Paris, Dunod, 1975. P. 90.

³⁸ D. Anzieu. *Le groupe et l'inconscient*. Paris, Dunod, 1975. P. 192.

Каэс, помимо этого, пишет о работе межличностных отношений, «психической работе бессознательного другого в бессознательном субъекта».

Следовательно, в ситуации группы понятие психического бессознательного конфликта, по Каэсу, существенно модифицируется. Действительно, наряду с внутриспсихическим конфликтом, имеющим психосексуальное инфантильное (невротическое) происхождение, существует бессознательный конфликт между субъектом и частью его психики, которой владеет другой (или другие). Исследования пограничных состояний, помимо этого, выявили существование еще одного типа бессознательного конфликта – между Я и объектами.

Теоретический вклад Каэса представляется нам очень ценным для выработки метапсихологической концепции пары.

Несколько современных французских концепций

Как же современные психоаналитики используют все эти идеи в работе с парами? Мы представим ниже идеи Ж.-П. Кэйо, Ж. Дешерфа, А. Игера и в завершении наши собственные размышления.

Жан-Пьер Кэйо и Жерар Дешерф: «Психоанализ пары и семьи»³⁹

Эти авторы используют понятия «группировки», «объекта-группы» и вводят понятие «объекта-семьи», то есть фантазию семьи как объекта – коррелята влечения, возникающего как прототип объекта-группы. Объект-пара – это единое представление, как бы воображаемые общие тело и психика пары. Посредством фантазматического резонанса психическое устройство пары выстраивается по мере того, как соединяются индивидуальные психические устройства обоих партнеров. И это сочленение устанавливается и развивается внутри общего фантазматического пространства, выступающего посредником между парой как внешним объектом и внутренними объектами-парами обоих партнеров. Именно в этом пространстве создаются и трансформируются общие идеальные содержания, в том числе относящиеся к Сверх-Я. К тому же вышеозначенные авторы высказывают ряд интересных идей, касающихся клинической работы с семьями и парами.

Альбер Игер: «Психоаналитическая терапия пар» (Eiguer, 1984), «Клинический психоанализ пары» (Eiguer, 1998)

С точки зрения этого автора между членами пары существуют два типа связей – нарциссические и либидальные, а также две «силы», отвечающие за супружеские конфликты: тревога сближения и нарциссическое возмущение партнером за непризнание исключительности.

Игер вводит понятие «постоянной структуры» пары. Данная структура выражается в форме бессознательного конфликта внутри группы и в форме особых коллективных фантазий. Сама структура описывается им с экономической, динамической, топической и генетической точки зрения. Игер применяет к паре понятие психического организующего принципа, исследуя механизмы, отвечающие за целостность и связность пары. Так, он выделяет три механизма и описывает, как каждый из них структурирует пару:

- *выбор объекта*;
- *«супружеское Эго»*, включающее чувство со-принадлежности, общее внутреннее пространство и «идеал супружеского Я»; этот механизм структурирует нарциссические связи;
- *обмен фантазиями*; это понятие он выводит из «фантазматического сговора», впервые описанного Диксом, а затем развитого Вилли и Лемэром. Различные элементы «супружеского Эго» как раз и отражают этот процесс обмена фантазиями, общую мифопоэтическую работу партнеров. Этот механизм особенно активно действует в период влюбленности, определяя топическую структуру пары и закладывая базу будущих конфликтов.

Помимо трех организующих принципов, Игер выделяет также четыре типа пар: нормальная (или невротическая), анаклитическая (или депрессивная), нарциссическая и перверсивная. Он также выделяет точки пересечения с типологией, предложенной Вилли.

³⁹ J. P. Caillot, G. Decherf. *Psychoanalyse du couple et de la famille*, Paris, A.PSY.G.-Editions, 1989.

Наконец Игер ставит под сомнение влияние предыдущих поколений на жизнь пары.

Андрэ Рюфьо⁴⁰

Рюфьо считается одним из первооткрывателей психоанализа пар во Франции. Среди его наиболее значительных работ: «Инстинкт пары» (Ruffiot, 1972), «М. Кляйн и пара» (Ruffiot, 1974), «Супружеское Эго» (Ruffiot, 1975).

Ниже мы представим ряд его основополагающих идей, сформулированных в коллективной работе «Психоаналитическая терапия пары» (1984).

⁴⁰ A. Ruffiot. «Le couple et l'amour. De l'originnaire au groupal» in: A. Eiguer (dir.). *La thérapie psychanalytique du couple*, Paris, Bordas, 1984, p. 85–145.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.